

A romantic painting of a young man and woman standing on a beach at sunset. The man is on the left, wearing a light blue short-sleeved shirt and khaki shorts, with his arm around the woman's waist. The woman is on the right, with long blonde hair, wearing a light-colored sleeveless top and a floral skirt. They are looking out at the ocean where waves are breaking. The sky is filled with vibrant orange and yellow light from the setting sun. In the bottom right corner, the front of a classic car is visible. The overall style is painterly and evocative.

Сергей Патрушев

Парень и пачка сигарет

18+

Сергей Патрушев

Парень и пачка сигарет

<https://litres.ru/74080399>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга — негромкая исповедь человека, который превратил собственную боль в молчаливый ритуал. Каждый день он приходит на одно и то же место у моря, садится на старый плед и закуривает очередную сигарету, пока мир вокруг живет своей шумной, солнечной жизнью.

Для отдыхающих он — невидимка, призрак, странный парень в черной футболке, на которого можно бросить насмешливый взгляд и пойти дальше. Но никто не знает, что держит его на этом берегу. Никто не догадывается, какую клятву он дал и почему каждый рассвет встречает с горьким дымом на губах.

Это роман о любви, которая не заканчивается со смертью, и о памяти, способной стать как спасением, так и тюрьмой. О том, как легко пройти мимо чужой трагедии, приняв ее за странность. И о том, что иногда один искренний поступок, одно неловкое извинение, одна протянутая рука могут вернуть к жизни того, кто уже перестал дышать.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Парень и пачка сигарет

Глава

Глава первая. Симфония для песчинки с фильтром

Пачка сигарет лежала на песке, и это было самое устойчивое, самое определенное, что я видел за последний час. Красная пачка «Мальборо», уже изрядно помятая, с оторванным уголком целлофана, который трепыхался на ветру, как прозрачный флаг капитуляции. Я смотрел на нее, потому что смотреть в море было слишком больно — солнце дробилось о воду миллиардом осколков, — а смотреть на людей было просто незачем. Вернее, причина была, но она отдавала горечью, как табак, случайно попавший на язык, когда закури-ваешь в спешке.

Пляж жил своей жизнью, шумной, вязкой, наполненной липкими запахами крема для загара, нагретых полотенец и водорослей. Он жил, а я в нем умер. Или застрял. Застрял в янтаре этого бесконечного августовского дня, сидя на старом пледе, который еще помнил пикники моих родителей, и чувствуя, как песок набивается в швы джинсов. Я не был одет для пляжа. Джинсы, черная футболка, старые кеды. Я пришел сюда не загорать. Я пришел сюда думать, но вместо

мыслей в голове был белый шум прибора, смешанный с радиопомехами моего собственного сознания.

Они прошли мимо в третий раз за последние полчаса. Три нимфы в бикини, сотканные из солнечного света, бронзовой кожи и какой-то недостижимой легкости бытия. Длинные ноги, мокрые волосы, соленые брызги на плечах, идеальные изгибы, которые так любят воспевать в рэп-клипах и глянце-вых журналах. Одна из них, кажется, блондинка с татуировкой в виде змеи на бедре, даже посмотрела в мою сторону. Её взгляд скользнул по мне, как луч прожектора по пустому полю, не зацепившись, не задержавшись ни на долю секунды. Он прошел сквозь меня, зафиксировал фон — море, песок, какие-то кусты тамариска, — и вернулся к подругам. Они засмеялись. Их смех был как перезвон дорогих хрустальных бокалов, которые подают в ресторанах, куда меня никогда не пустят. Не из-за дресс-кода, нет. Просто я не генерирую ту частоту, на которую настроены их радары.

Я — призрак. Самое натуральное привидение на этом чертовом курорте. Я сижу здесь, материальный, вешу свои семьдесят пять килограммов, моё сердце качает кровь, легкие со свистом втягивают раскаленный воздух, но для них меня нет. И знаете, в этом есть какая-то извращенная, освобождающая честность. Быть невидимым — значит, не играть роли. Можно не втягивать живот, не поправлять волосы, не

натягивать на лицо дежурную улыбку самца, оценивающего самку. Я могу просто сидеть и разлагаться изнутри, и это никого не касается. Даже чайки и те обращают на меня больше внимания, выжидая, когда я уроню крошку от булки, которую так и не съел.

Я потянулся за пачкой. Пальцы слегка дрожали — то ли с похмелья, то ли от голода, то ли просто нервы шалили. Внутри оставалось три сигареты. Три тонкие белые трубочки, три гвоздя в крышку этого дня. Я вытащил одну, прикурил от пластиковой зажигалки с изображением пальмы, которая нагрелась на солнце и грозила взорваться у меня в ладони. Первая затяжка — сладковатый дым обжег горло, и на секунду мир сузился до размеров легких, наполняющихся никотиновым абсурдом. Я смотрел, как дым растворяется в воздухе, такой же бестелесный и никому не нужный, как и я. Вот он есть, вот его видно — сизая струйка на контрасте с синим небом, а потом порыв бриза — и ничего. Пустота.

Красотки возвращались. Теперь они шли босиком, держа в руках вьетнамки, и о чем-то щебетали. Я смотрел открыто, не стесняясь. А чего стесняться? Я же призрак. У привидений нет социальных обязательств. Я мог бы встать и пойти за ними, мои шаги не оставят следов на мокром песке. Я мог бы крикнуть им что-нибудь пошлое или, наоборот, невероятно умное, цитату из Ницше или Бродского, но ветер унес бы

мои слова раньше, чем они достигли бы их ушей. Мы существуем в параллельных слоях реальности. Они — в слое, где светит солнце, играет музыка в прибрежном кафе и пахнет кокосовым маслом. Я — в слое, где пахнет пеплом, потом и старыми книгами, которые я не читал уже сто лет.

Когда последняя из них, та самая блондинка со змеей, проходила мимо, расстояние между нами было не больше метра. Я видел капельку воды, стекающую по её позвоночнику, видел, как сокращаются мышцы на её загорелой спине, видел песчинки, прилипшие к пяткам. Она была настоящей. Чертовски, невыносимо настоящей. Она была воплощением жизни в её самом биологическом, животном, торжествующем смысле. И я вдруг остро, до тошноты, ощутил свою собственную призрачность. Я — это не тело из плоти и крови, сидящее на клетчатом пледе. Я — это отсутствие. Я — дыра в форме человека. Я потребляю кислород, занимаю место в пространстве, но не излучаю ничего. Ни тепла, ни света, ни желания. Я как черная дыра на этом пляже, даже светящиеся нимфы не могут вырваться из моей гравитации только потому, что они её не замечают.

О чем они говорят? О вечеринках, о том, что этот парень — козел, а этот — милый, о том, что прилив испортил им замок из песка, который они строили в детстве. О чем говорю я сам с собой? О том, что жизнь — это, по сути, долгая

прогулка по пляжу, где ты либо один из тех, кто плещется в теплой воде, либо тот, кто сидит на берегу и смотрит, как другие плещутся. И с каждым годом вода отступает все дальше, и ты остаешься на сухом, растрескавшемся песке, не в силах подняться, чтобы дойти до кромки прибоя.

Интересно, а та блондинка когда-нибудь задумывается о смерти? Сидя в своем инстаграмном раю, попивая смузи из манго, думает ли она о том, что вся эта красота конечна? Что эта упругая кожа обвиснет, что смех станет хриплым кашлем курильщицы, что татуировка в виде змеи поползет вниз вместе с мышцами? Скорее всего, нет. Господь Бог, или эволюция, или кто там всем этим управляет, специально спроектировал молодость с дефектом — отсутствием чувства времени. Молодым кажется, что они бессмертны. Что солнце всегда будет в зените, а бедра всегда будут подтянутыми. И именно эта глупость и есть их главная сила. Они не рефлексуют, они действуют. Они не сидят призраками на песке, они бегут наперегонки с волнами.

Я же рефлексую за троих. Мой мозг — это вечный двигатель самокопания, который перемалывает реальность в труху. Я смотрю на красоток и думаю не о том, как бы с ними познакомиться и утащить в постель, а о том, что совокупление — это всего лишь способ генов передать себя во времени, сложный химический танец дофамина и окситоци-

на, замаскированный под «любовь». Я смотрю на море и думаю не о том, какое оно теплое и манящее, а о том, что в его глубинах прямо сейчас разлагаются трупы утонувших моряков, и что вода — это просто химическое соединение H_2O . Я отравлен знанием. Или не знанием, а иллюзией знания. Той самой иллюзией, которую дают книги по философии, прочитанные вперемешку с дешевыми детективами.

Я снова затянулся. Сигарета догорала, фильтр стал горячим и влажным. Я воткнул окурочек в песок, прямо в центр импровизированной пепельницы, которую выкопал пяткой. Окурки торчали из песка, как надгробные плиты на кладбище моих намерений. Я хотел бросить курить. Я хотел начать бегать по утрам. Я хотел написать книгу, съездить в Непал, выучить испанский, заработать миллион. Я хотел быть одним из тех парней, что сейчас играют в волейбол у кромки воды, с криками и смехом, подбрасывая в воздух брызги песка. Я хотел стать материальным, видимым, осязаемым. Но вместо этого я стал человеком, который сидит на пляже и рассуждает о том, что жизнь — это пачка сигарет. Красивая упаковка, пугающие картинки на обороте, и ты знаешь, что это убьет тебя, но продолжаешь выкуривать одну за другой, потому что это единственное занятие, которое придает процессу хоть какую-то структуру.

Глава первая. Я даже рассмеялся про себя от этой мысли.

Если бы моя жизнь была книгой, она бы начиналась именно так. Скучно, пафосно, с претензией на глубокомыслие. Без действия, без диалогов, только поток сознания какого-то призрака. Читатель бы заснул на третьей странице. А знаете, почему я назвал эту главу «Симфония для песчинки с фильтром»? Это глупое, вычурное название. Но в нем есть правда. Песчинка — это я. Одна из миллиардов, затерянная в дюне под названием «человечество». А фильтр — это мое сознание. Я не вдыхаю жизнь полной грудью. Я пропускаю ее через табачный фильтр, который задерживает часть удовольствия и оставляет только сухой, горячий дым и канцерогены разочарования. Я фильтрую реальность настолько тщательно, что она теряет всякий вкус. Вот, например, сейчас. Солнце, море, практически рай на земле. А я превратил это в филиал ада, просто сидя и думая.

Я смотрел, как компания красоток наконец-то выбрала себе место неподалеку, метрах в десяти слева. Они расстелили яркие полотенца — розовое, бирюзовое, желтое. Как конфеты. Блондинка достала бутылку воды и, смеясь, полила себе на грудь, чтобы охладиться. Капли заблестели на коже, словно жидкое стекло. Я видел это, я слышал их смех, я мог уловить даже нотки их духов, смешанные с запахом соли, когда ветер менял направление. Они были так близко и так бесконечно далеко. Я мог бы подойти. Просто встать, отряхнуть песок с джинсов, подойти и сказать: «Привет, я тут сидел и

подумал, что вы выглядите как три грации из греческого мифа». Или что-нибудь менее претенциозное. «Привет, у вас не будет зажигалки? Хотя у меня есть, просто хотел познакомиться». Что угодно. В мире миллиарды фраз, и какая-нибудь из них наверняка сработала бы как ключ. Но я не встал. Я продолжал сидеть, потому что призракам не положено говорить первыми. Призраки появляются внезапно и пугают, а если я сейчас подойду, я спугну их, потому что от меня пахнет табаком и унынием, а это худший парфюм для пляжного знакомства.

И дело даже не в страхе отказа. Отказ — это нормально. Дело в том, что я не мог представить себе следующий шаг. Допустим, она ответит. Допустим, она даже улыбнется. Что дальше? О чем мне с ней говорить? О тщете бытия? О том, что я чувствую себя песчинкой в бесконечном космосе? О том, что ее татуировка в виде змеи напомнила мне о библейском грехопадении и о том, что все мы изгнаны из рая, просто еще не все это осознали? Она же сбежит через минуту. Ей нужен простой, веселый, гормональный разговор, а я уже разучился их вести. Я разучился быть простым. Я превратил свою жизнь в главу первую бесконечного романа, где герой сидит на пляже и ничего не делает, потому что автор слишком увлекся стилистическими красотами и разучился двигать сюжет.

Сюжет. В этом все дело. В моей жизни больше нет сюжета. Есть только декорации и внутренний монолог. пляж — декорация. Море, песок, красотики, пачка «Мальборо» — это все антураж. Но события не происходят. Я сам не позволяю им происходить, потому что любое событие нарушит чистоту моего страдания. Это как если бы Гамлет вдруг перестал рефлексировать, выхватил меч, убил Клавдия в первом акте, женился на Офелии и уехал управлять каким-нибудь заводом в Норвегии. Пьеса бы кончилась. А моя пьеса не кончается, она просто тянется, как жвачка, прилипшая к подошве. И я не знаю, как это изменить. Я не знаю, хочу ли я это изменить. Потому что в этом унынии есть свое извращенное, мазохистское удовольствие. Когда ты призрак, с тебя взятки гладки. Ты никому ничего не должен. Ты можешь сидеть, курить и презирать мир, который тебя не замечает, и чувствовать свое тайное превосходство, не подкрепленное ничем, кроме твоей собственной злости.

Но иногда, вот как сейчас, когда солнце начинает клониться к закату и тени становятся длиннее, а воздух наполняется золотой пылью, иллюзия рассыпается. Приходит тоска. Настоящая, животная тоска по теплу. Не по солнечному теплу, его как раз в избытке, а по человеческому. Потому, чтобы кто-то заметил тебя не как предмет мебели, не как тень на песке, а как живое существо. Чтобы этот кто-то, например, та блондинка, вдруг повернула голову, посмотре-

ла мне прямо в глаза и спросила: «Эй, с тобой все в порядке? Ты какой-то грустный». И я бы соврал, конечно: «Нет, все отлично, просто задумался». Но сам факт вопроса — он бы разбил проклятие. Он бы сделал меня видимым.

Но она не повернется. Она смотрит в свой телефон, фотографирует закат, делает селфи, надувая губы. Она коллекционирует моменты, не проживая их. И в этом мы с ней, как ни странно, похожи. Я тоже не проживаю этот момент. Я его анатомирую. Я препарирую закат, раскладывая его на спектральные составляющие, я препарирую её красоту, думая о биологии и старении, я препарирую свое одиночество, превращая его в текст, который никто никогда не прочтет. Разница между нами только в том, что она счастлива в своем неведении, а я несчастлив в своем знании. Но если выбирать, кто из нас более живой — она, бездумно впитывающая ультрафиолет, или я, задыхающийся в собственной рефлексии, — я бы поставил на нее. Жизнь — это действие. Жизнь — это когда ты бежишь в воду, не думая о том, какая она мокрая и холодная. А я стою на берегу уже чертовски долго, и мои ноги уже приросли к песку.

Я достал предпоследнюю сигарету. Пачка сигарет на песке. Парень сидит на пляже. Красотки прошли мимо. Название книги? Может быть, «Книга пустых страниц». Да, звучит неплохо. Глава первая. Я закурил и выпустил дым в сторону

заходящего солнца. Дым окрасился в розовый цвет и растаял, как несбывшаяся мечта. Море шумело, обещая вечность, но верить ему не стоило. Море — известный лжец. Как и слова. Как и мысли. Как и я сам. Я сидел и ждал, сам не зная чего. Может быть, конца главы. Может быть, начала следующей. Но для этого нужно было перевернуть страницу, а я все никак не мог решиться. Потому что следующая страница требовала от меня поступка, а я был всего лишь призраком, который рассуждал о жизни, забыв, как она пахнет без примеси табачного дыма.

Глава вторая. Бесконечные мысли дымных сигарет

Сигарета догорела до фильтра, обжигая пальцы привычной, почти родной болью. Я затушил её о песок, и она присоединилась к кладбищу окурков, торчащих у моих ног, словно кривые минареты мечетей, возведенных во славу никотинового бога. В пачке оставалась одна. Последняя. Всегда драматичный момент, не правда ли? Последняя сигарета, как последний патрон в обойме, как последний довод в споре, который ты проигрываешь. Но я знал, что не пойду в ларек за новой пачкой сразу же. Я растяну этот момент, превращу ожидание в ритуал. Потому что ожидание — это единственное, что у меня хорошо получается. Я мастер ждать. Ждать вдохновения, ждать знака свыше, ждать, пока жизнь сама повернется ко мне лицом, а не спиной. Но жизнь, как и

те красотки, предпочитает другие ракурсы.

Солнце уже наполовину погрузилось в море, окрашивая горизонт в цвета спелого манго и разбавленного кровью апельсина. Пляж постепенно пустел, становясь тише, интимнее. Семьи с кричащими детьми собирали свои ведра и лопатки, парочки сворачивали покрывала, пенсионеры в панамках медленно брели к выходу, опираясь на трости. А я все сидел. Плед подо мной стал влажным от вечерней росы, песок остывал, отдавая накопленное за день тепло в атмосферу, словно выдыхая. И вместе с этим выдохом на меня накатывала волна меланхолии, густая, как смола. Дымные мысли, они всегда приходят на смену дневной апатии. Когда внешних раздражителей становится меньше, внутренние выползают из своих нор, как тараканы ночью.

Я смотрел на пустую пачку «Мальборо». Красный цвет, белые буквы, классика. Когда-то она стоила копейки, а теперь — как пол-обеда. Но я все равно покупал её, потому что это была единственная константа в уравнении моей жизни, которое никак не сходилось. Я думал о том, что сигарета — это идеальная метафора времени. Ты поджигаешь её, и она начинает неумолимо сокращаться, превращаясь в пепел, в дым, в ничто. Ты не можешь остановить этот процесс, не можешь поставить сигарету на паузу и закурить её позже. Она сгорает прямо сейчас, в эту секунду, и каждая затяжка —

это маленькое убийство будущего ради сомнительного удовольствия в настоящем. Так и жизнь. Мы сгораем, даже когда просто сидим на пляже. Наши теломеры укорачиваются, нейроны отмирают, сердце делает очередной удар, приближая нас к финалу. И мы ничего не можем с этим поделать, только наблюдать, как пепел падает на песок.

Три грации, как я мысленно окрестил ту компанию, все еще были здесь. Они перебрались ближе к воде, расстелив полотенца на самой кромке прибоя, и теперь сидели, обняв колени, и смотрели на закат. Их силуэты вырисовывались на фоне пламенеющего неба — три изящные статуэтки, три тени, отбрасываемые уходящим светилом. Блондинка со змеей сидела в центре. Наверное, она была альфа-самкой в этой стае. Я заметил, что она больше не смеется. Она просто смотрела вдаль, на линию, где море встречается с небом, и лицо её было задумчивым, отрешенным. Может быть, и её посетили дымные мысли? Может быть, под этой идеальной оболочкой скрывается такая же бездна, как и во мне? Эта идея показалась мне почти кошунственной. Я привык считать, что красивые люди — это инопланетяне, свободные от рефлексии, запрограммированные исключительно на гедонизм и размножение. Но что, если это не так? Что, если загар и упругая кожа — это всего лишь маскировка, и внутри она так же одинока и растеряна, как и я?

Я одернул себя. Это опасная тропа. Наделять объект желаний глубиной — верный способ влюбиться. А влюбленность для призрака — это катастрофа. Это как если бы привидение вдруг решило, что оно все еще живое, и попыталось прикоснуться к миру, но его рука прошла бы сквозь предметы. Нет уж, лучше сохранять безопасную дистанцию. Лучше считать их просто картинками, движущимися обоями для моего экзистенциального кризиса. Но черт возьми, как же красиво она смотрела на закат. Ветер трепал её светлые волосы, и она машинально убирала прядь за ухо. Этот жест, такой простой, такой человеческий, вдруг вызвал во мне острую, почти физическую боль. Мне захотелось оказаться рядом. Не для того, чтобы говорить, не для того, чтобы касаться. Просто сидеть бок о бок и смотреть на ту же линию горизонта, разделяя это молчание. Разделять молчание с кем-то — это, возможно, и есть высшая форма близости. Когда слова не нужны, когда смыслы передаются напрямую, от души к душе, минуя речевой аппарат. Но это утопия. В моем мире слова — это барьеры, а не мосты.

Я все-таки достал последнюю сигарету. Покрутил её в пальцах, понюхал табак, ощутил сухость бумаги. Последняя сигарета — это всегда маленькое прощание. С днем, с самим собой, с иллюзией контроля. Я закурил, и дым наполнил легкие, принося мгновенное, химическое успокоение. Никотин ударил в мозг, высвобождая дофамин, создавая микро-

скопический всплеск удовольствия. И я подумал: а ведь мы, курильщики, — это ходячие примеры стокгольмского синдрома. Мы платим деньги, чтобы травить себя, мы стоим на морозе и ветру, мы кашляем по утрам, мы чувствуем себя изгоями, но при этом мы любим свои сигареты. Мы любим их больше, чем себя. Потому что они всегда рядом. Они не предадут, не осуждают, не требуют быть лучше. Они просто делают свое дело — убивают медленно, нежно, с ароматом ментола или без него. Сигарета — это друг, который никогда не скажет «ты мне надоел». Она всегда готова поддержать в трудную минуту, даже если эта поддержка — всего лишь отсрочка приговора.

Закат достиг своей кульминации. Небо взорвалось красками, словно Бог пролил на холст банки с акварелью. Это было так красиво, что хотелось плакать. Или смеяться. Или закричать. Но я просто курил и смотрел. Потому что кричать на пляже — это привлекать внимание, а я еще не настолько сошел с ума. Хотя, кто знает, где проходит эта грань. Я часто думаю о безумии. О том, что оно подкрадывается незаметно, не как гром среди ясного неба, а как тихий туман, окутывающий сознание. Ты просто перестаешь отличать важное от неважного, реальное от вымышленного, свои мысли от голосов в голове. Может быть, я уже безумен. Может быть, весь этот пляж, эти красотки, это море — лишь проекция моего больного воображения, а на самом деле я сижу в палате с

мягкими стенами и пускаю слюни на смирительную рубашку. Эта мысль не испугала меня, а скорее позабавила. Если это так, то декорации подобраны со вкусом. Лучше уж сходиться с ума на берегу моря, чем в серой бетонной коробке.

Я докурил до середины и решил сделать перерыв. Просто держал сигарету в руке, наблюдая, как тонкая струйка дыма поднимается вертикально вверх, потому что ветер стих. Абсолютный штиль. Даже море успокоилось, волны лениво лизали песок, словно огромный зверь, уставший за день. Тишина стояла такая, что я слышал биение собственного сердца. И в этой тишине мои дымные мысли потекли свободнее, превращаясь в настоящий поток сознания, в словесный понос, который я даже не пытался контролировать.

Я думал о том, что вся наша жизнь — это череда расставаний. Мы прощаемся с детством, с юностью, с иллюзиями, с людьми, с местами, с возможностями. Каждый день мы теряем частичку себя. Клетки отмирают, воспоминания тускнеют, мечты выдыхаются, как старый одеколон. И самое страшное, что мы к этому привыкаем. Мы адаптируемся к потерям. Мы учимся жить с дырами в душе, как старый свитер учится жить с молюю. Это, наверное, и есть зрелость — способность функционировать с высоким уровнем внутренней энтропии. Хаос становится нормой, беспорядок — порядком вещей. И ты уже не ждешь, что будет лучше, ты просто на-

деешься, что не будет хуже. Хотя, если вдуматься, хуже будет обязательно. Это закон жизни. Второе начало термодинамики применительно к человеческой судьбе. Все стремится к распаду, все стремится к хаосу. Моя пачка сигарет, еще утром полная и аккуратная, теперь пуста и смята. Мое тело, еще десять лет назад подтянутое и выносливое, теперь требует отдыха после подъема по лестнице. Моя душа, еще вчера открытая и доверчивая, теперь закрыта на амбарный замок. Энтропия. Будь она проклята.

Я взглянул на блондинку. Татуировка змеи на её бедре в свете заката казалась почти живой, переливающейся, готовой уползти. Змея — символ мудрости, искушения, цикличности. Она кусает свой хвост, Уроборос, символ вечного возвращения. Я тоже хожу по кругу. Каждый день я просыпаюсь с мыслью, что сегодня что-то изменится, и каждый вечер ложусь спать с осознанием, что ничего не изменилось. Я живу в дне сурка, но без комедийной составляющей. Скорее, в дне сурка, снятом Тарковским — долгие планы, минимум диалогов, максимум экзистенциальной тоски. И единственное, что разрывает эту петлю, — это сигареты. Они делят день на отрезки, создают искусственный ритм. Завтрак, перекур. Работа, перекур. Обед, перекур. Тоска, перекур. Сон. И так далее, пока смерть не разлучит нас.

Внезапно одна из подруг блондинки встала и пошла к во-

де. Она вошла в море по колени, взвизгнула от вечерней прохлады, но затем, осмелев, нырнула. Её тело на секунду исчезло под водой, а потом вынырнуло, мокрое, блестящее. Она поплыла, рассекая отражение заката, создавая круги на воде. Я смотрел на неё и думал: «Вот оно, действие». Она не сидит на берегу, не анализирует температуру воды, не думает о том, что могут подумать о ней люди. Она просто ныряет. А я даже ноги не могу намочить. Я слишком занят тем, что курю и философствую. Я превратил бездействие в форму искусства. Я мог бы написать трактат «О пользе ничегонеделания для понимания тщеты всего сущего». Бестселлер для таких же призраков, как я. Мы бы раскупили его, но не прочитали бы до конца, потому что даже это требует усилий.

Вторая девушка, кажется, брюнетка, достала телефон и начала снимать плывущую подругу, смеясь и что-то комментируя. Она была оператором, документалистом их общей жизни. А блондинка осталась сидеть. Она не пошла в воду, не стала снимать. Она просто обхватила колени руками и положила на них подбородок. Поза эмбриона. Поза защиты. Я узнал её. Я сам часто так сижу. Значит, не все гладко в датском королевстве. Значит, даже у королевы красоты есть свои дымные мысли. Может быть, парень-козел, о котором они говорили днем, разбил ей сердце. Может быть, она чувствует, что стареет, и боится этого. Может быть, она просто устала быть красивой, ведь это тоже работа — постоянно со-

ответствовать ожиданиям, держать спину прямо, улыбаться, когда не хочется. Может быть, она так же одинока среди своих подруг, как я одинок среди людей. Одиночество в толпе — это особый вид пытки. Когда ты окружен людьми, но никто тебя не видит. И я, и она — мы оба сейчас на этом пляже, на расстоянии вытянутой руки, но между нами пропасть, непреодолимая, как Марианская впадина. И мы оба смотрим на закат, ища в нем ответы, которых нет.

Моя последняя сигарета почти истлела. Остался маленький огонек, борющийся с наступающей тьмой. Я посмотрел на неё, на этот крошечный уголек, и вдруг почувствовал прилив нежности. Глупо, правда? Нежность к сигарете. Но она была моим последним собеседником. Я не хотел её тушить. Я хотел, чтобы она горела вечно, чтобы этот вечер никогда не кончался, чтобы это сладкое, горькое одиночество, наполненное дымными мыслями и призрачной красотой, длилось бесконечно. Потому что когда она погаснет, мне придется встать. Придется отряхнуть песок с джинсов, сложить старый плед, надеть кеды, которые я снял час назад. Придется идти домой, в свою пустую квартиру, где пахнет пылью и вчерашней едой. Придется смотреть в потолок, пытаюсь уснуть, и знать, что завтра будет такой же день. Такой же пляж, такая же пачка сигарет, такие же бесконечные мысли. И это будет длиться до тех пор, пока я сам не решу перевернуть страницу. Пока я сам не перестану быть призраком.

Пока я не оживу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.